

РАЗВЕДКА ПОДВЕЛА



Зина в огороде полола гряды. Откуль проклята травишша берётца? Какэсь задавила! Ишшо неделю помёшкать – дак морковь-ту не натти будет. Нет бы девок нарожать, всё бы по хозяйству помогали. А этих разе удёржишь – скочили к отцу в лодку, хоть трава не расти... Лишь бы куды-нить убежать...

Мужики-то у тебя дома-нет?

Зина было упала в борозду Схватила за поясицу (болит, проклятушша) да кое-то как разогнулась. От воротцев подходил кум.

Тыфу ты, будь ты проклятой! Тебе сколь раз говореть, штоб не подкрадывался?! И ково бытто ходишь, выглядывашь?

Николай Иванович кашлянул в кулак:

Ты чё, оглохла? У тебя ворота-то скрипят однако на Болтурине слышать.

Дак ты один не старисся. Как рябок бегашь... Не изработался бывать..

Вот бляха муха. Однако промашка вышла... Здря брякнул про уши-то. Счас осердитца, никово не поразговаривам.. Нады задабровать, а то у Зинки не заржавеет - живо вы́прет из ограды.

Н-но, Зинаида, я вить шутейно. Дак де у тебя мужики-то?

Дак ловушки глядеть поехали. Давно уж.

Зина утёрла фартуком руки:

Пошли на крыльцо, посидим маленька. Поясица какэсь отламыватца, пушай отойдёт.

Кум достал процыгар. Постукал по нему паперёсой, закурил.

Оне де ставят-то? Далёко? Как думашь, ковды воротятца?

А я почем знаю?! Всё ставили в Кашиной. Вода-то нонче больша, худо попадало. А счас где-то у лешака. Как уедут – так часа на четьре...

Уж сроду не поверю, што тебе не сказывают? Крадчи ездят ли ково ли?

Их чё спрашивать-то? Рыба худо попадат, чуть не каждой день переставляют А оне тебе почево, мужики-то мои?

Да хотел Ивана позвать, мотор поглядеть. Фыркать фыркает, а никак не заводитца.

У тебя бытто новай мотор-от? Неуж худой? Одно лето не проездил, а он уж напарухался! Мой-от ижир выжил, тоже хочет двадцатисильной брать.. К тому лету, дас Бох, накопим. Нады ему сказать - раз никуды не годны, дак нѣпочево и брать...

Чѣ здря говореть, мотор хорошай. Да на новом в каждую дыру ездить – ево надолго ли хватит? Не на «Вихре» же по мордам ехать. На вѣслах опеть руке чижало. «Ветерок»-от самай раз. А он возьми да выйди из строю...

Гли-ка на нево, паря, какой барин! Ишшо выбирает, на каком моторе куды ехать! Давно ли окроме бечевы да вѣсел никово не знали?

- Да-а-а-а... ково и говореть? Счас внучат-ту в лавку без мотоциклу ни за каки деньги не отправившь. Меньшым и тем лисапед давай! Исповадили на нет.

Маленько помолчали. Николай Иванович поднялся:

Не слыхала, бытто моторка недалёко пристала? Пойду-ка на угор, згляну - не твои ли подбежали.

Постоял на угоре, повертел головой туды-суды.. Опеть подсял к Зинаиде:

А ты не видала, оне в каку сторону уехали? Там из-за Большово кака-то моторка выскочила. Глаза-то худы стают, никак не вижу - можеть твои едут?

Не-е-ет, не мои.. Оне вверх побежали. Я за имя выскочила на угор, докуль Болтурин не прошли, всё глядела стояла...

Паря, у этой не сразу узнашь! Хоть клѣшшами из неё вытаскивай... Нады стало быть с другой стороны подъежжать.

Дивья Ваньке, зять-от ему из городу всяких ловушек возит. Тут хвастал, мол какой-от спиннинг притащил. Не ево поехали опроведывать?

Не-е-е...

Николай стал выходить из себя!. Неуж придѣтца напрямки спрашивать?

Дак оне товды с чем поехали? Я было подумал раз вверх, дак в Кособыцку шиверу удить

К лешаку ети спининги да удилишши... одно баловство. Никово не спрашивай! Ваня мне не велел никому сказывать чем рыбачат .. Сам знашь, што добры-то ловушки запрешшают ставить.

Што ты, што ты! Я тебя почево выпытывать-то буду? Из меня уж какой рыбак? Так спросил...

Вот-вот... Ты уж не сердись, кум. Я было хотела порасспрашивать, дак он слова сказать не даѣт! Дескать мне лучче не знать, а то, мол, с твоим языком через час вся деревня знать будет. А назаотре наши

самоловы кругом облепят... Сам знашь, какой нонче народ-от зарнай... А Ване охота было сколь-нить рыбки на илимки продать. Новай-от мотор на каки деньги брать?!

Ну уж это он здря-я-я!... Ты ведь не беспута. Но, паря, Ваньча дак Ваньча! Он счево это про тебя эдак-ту говорит?

Не бай! К старости-то наготово окружал со своей рыбалкой.

Николай ишшо посидел, подумал:

Сиди-не сиди, идти нады. Старуха-то потерят...

Ну иди.. Мне тоже нековды рassiживатца... Пойду ужну направлять..

Дошел до ворот, оглянулся:

Дак говоришь часа по три-четыре их нету?

Едак-едак, то и боле... Ты не сторожи... Подъедут, дак я самово-то отправлю. Починит твой «Ветерок».

Ково он по ночам-ту набегат? Пушай отдохнат. Сам направлю...

Стой-ка, Иванович! Агаша сказывала, у вас огурцы-то худо растут, ишо и не разговелись. Счас я по кошель сбегая, нарву тебе. Пушай со сметанкой накрошит.

Николай Иванович чуть не врысью бежал к своему Серёге... Как знал – завернул к Ваньке-то! И подфартило, што ево дома не было. Не врут, што завалились красной рыбой-то... А я всю голову изломал где на неё трафились? Во-о-он чаво, сколь близко ли лешак водит... Отчаянны - не боятца!..

Да!!! У Ивана вить свояк-то в рыбадзоре работат!.. Тот все ходы-выходы знат! Как с катером суды соберутца, уж Ивана-то в первую голову известят..

Докуль не стемняло, пойду к парню, пушай собиратца... Поедем самоловы ставить.

Беднай Ваньча... Де толька и нашел свою Зинку? Одново бы долгово языка за глаза хватило, дак она ишо и простодыра.. Эвон, пол-кошеля огурцов набуровила! Нет бы посолить, зимой-то не одну бы выть омманули.. А ей лишь бы кому-нить навелить. Вся худа!!! Я бы свою за тако дело пропесочил, штоб другой раз оглядывалась... Один треплетца, копейку зарабатыват на мотор, а друга всё распрасорить готова!

А я-то? Не здря войну в разведке прошёл! Эвон как вытянул из неё... Ума-то нету. Шалаболка!

Зина выждала минут пяток.

«Слава Бох, увёл лешак. Думала, не спровадить будет, - она выглянула за ворота – вправду ушел или ишшо ково выглядыват?

самоловы кругом облепят... Сам знашь, какой нонче народ-от зарнай... А Ване охота было сколь-нить рыбки на илимки продать. Новай-от мотор на каки деньги брать?!

Ну уж это он здря-я-я!... Ты ведь не беспута. Но, паря, Ваньча дак Ваньча! Он счево это про тебя эдак-ту говорит?

Не бай! К старости-то наготово окружал со своёй рыбалкой.

Николай ишшо посидел, подумал:

Сиди-не сиди, идти нады. Старуха-то потерят...

Ну иди.. Мне тоже нековды рассиживатца. Пойду ужну направлять...

Дошел до ворот, оглянулся:

Дак говоришь часа по три-четыре их нету?

Едак-едак, то и боле... Ты не сторожи... Подъедут, дак я самово́то отправлю. Починит твой «Ветерок».

Ково он по ночам-ту набéгат? Пушай отдыхат. Сам направлю...

Стой-ка, Иванович! Агаша сказывала, у вас огурцы-то худо растут, ишо и не разговéлись. Счас я по кошель сбегая, нарву тебе. Пушай со сметанкой накрошит...

Николай Иванович чуть не врысью бежал к своёму Серёге.. Как знал – завернул к Ваньке-то! И подфартило, што ево дома не было. Не врут, што завалились красной рыбой-то... А я всю голову изломал где на неё тра́фились? Во-о-он чаво, сколь близко ли лешак водит... Отчаянны не боятца!..

Да!!! У Ивана вить свояк-то в рыбнадзоре работат!.. Тот все ходы-выходы знат! Как с катером суды соберутца, уж Ивана-то в первую голову известят...

Докуль не стемняло, пойду к парню, пушай собиратца... Поедем самоловы ставить.

Беднай Ваньча... Де толька и нашел свою Зинку? Одново бы долгово языка за глаза хватило, дак она ишо и простодыра.. Эвон, пол-кошеля огурцов набуровила! Нет бы посолить, зимой-то не одну бы выть омманули.. А ей лишь бы кому-нить навéлить. Вся худа!!! Я бы свою за тако дело пропесóчил, штоб другой раз оглядывалась... Один треплетца, копейку зарабатыват на мотор, а друга всё распрáсорить готова!

А я-то? Не здря войну в разведке прошёл! Эвон как вытянул из неё... Ума-то нету. Шалаболка!

Зина вьждадала минут пяток.

«Слава Бох, увёл лешак. Думала, не спровадить будет, - она выглянула за ворота – вправду ушел или ишшо ково выглядыват?

Нет, бежит. Торопитца самолочку ставить. Ну-ну, беги хлэшше. Рыба-то в реке вся стоит, тебя дожидатца!

Ы-ы-ш ты какой! Думат я никово не вижу, заподговаривался нашел круговэ себя! Бытто я наготово ума решилась – об своих ловушках всёй деревне рассказывать! Не-е-ет, кум!.. А поезди-ка счас, да поишши рыбку-то!»

Зина утащила на угор лавочку. Взяла корзинку с вѣзаннем. Чѣ время здря проводить? А так и носок довяжет и Николая скараулит. Ох и хитёр – тоже на мякине не проведёшь! Нады же доглядеть. Поверил, дак вверьх поедут. Ну а догадался, дак наніз покатит.

Кан быть поверил – подались к Болтурину

Часа через два снизу прибежала моторка. Слава Бох, живы-здо-ровы! Прибуровили полную ванну стерлядок. Да ишо не все вошли! Докуль старши рыбачили, меньши по ручью смородинки насбирали.

Однако до утра не управитца будет с припасом.

Ну ничё – отдохнем, ковды сдохнем..

РЫБАЛКА НА ПОТАШИХЕ...



Челядь ругам, што от компьютеров не оттащишь, а сами тоже одичали. Мой тут напарухался, целу неделю не работал, дак я какэсь сама не своя! Вот што магнитом тянет к нему, к проклятому... Я уж и так и эдак, никово не даёт делать, штоб ему померешшилось! Одне карточки кажет...

Вот я давай их глядеть, карточки-то. Дошла до места, где я добыла шшуку да и спомнила, как мы туды ездили...

Мы тот год собирались из Туруханску наготово выезжать, вот мужик меня и взялся возить по речкам да по озёрам. И сомустил меня на Поташиху, на озеро. Сколь, мол, годов прóжили тут, а ты моё ухожье в глаза не видывала. Я и не куражилась. После работы, часов в восемь

выехали на снегоходе. Ехать недалёко, километров восемьдесят. Енисеем дорога хороша, в мае лёд ишо ничем ничево, крепкой. Часа за полтора доехали. Подымамся на угор.

Вот шштай и доехали. До избушки отцель километра три будет.

Не успел выговорить, как ухнули до самой земли. Снега там шибко глубоки, а к весне делаютца рыхлы да сыпучи, несколь не дёржат. Отцепил мой мужик нарту, снег кругом утоптал и поставил меня на твёрдо место. Штоб не провалилась.

Счас, говорит, протопчу дорогу, минут двадцать тут постой, Скочил на «Буран», был да нету. Слово сказать не дал!

Стою в лесу одна-одинёшенька. Ветрина дует, лес шумит. В десять-ту часов уж тёмно. Правда луна хороша была, дак мне от неё ишо страшне. Ни жива ни мёртва. Рассказываю себе стихи, да на часы поглядываю. Вот уж одиннадцать, а ево нету... Взясась сама себя уговаривать:

вот он счас в избушку воду таскат...

Через полчаса – вот он дров натаскал...

Ишо минут через двадцать – счас печку растопил, чай поставил.

Опять прошло порядошно время. Я уж и не знаю, ково там делать можно.

Гляжу – полночь! Мама родимы! Кто чево? Куды девался? Неуж на топчан присял, да уснул у печки? Оно всё ли с ним ладны?

Скоро светать будет, уж за три часа-то можно бы и выспаться...

Рада бы сама туды идти, да никак не могу: толька сунуть к дороге проваливаюсь до поясу. Уж ково я не передумала! Со страху волосья на голове шапку подымают...

Думай-не думай, нады ково-то делать! На одном-ту месте ума решитца можно.

Кое как доползла до нарты, нашарила дошпечки, капошны каки-то, ногами на них стать не могу проваливаюсь. Давай я на одну коленками ставать, другу вперёд перебрасывать. Так и ползу ползком по следу, а сама уж ревом реву. У каждого куста медведь мерешшитца!... А боле-то за мужика страшно вить не забыл же он про меня!...

Минут двадцать едак ползла, потом слышу шир, шир... как всё равно хто на лыжах идёт. Гляжу из-за лесины мой охотник выходит. И мне лыжи ташшит...

Слава Бох, живой!!! Дак вить провалился в рúчей. Никово сделать не мог! Бился-бился, так и бросил машину-то, мол к утру подморозит, легче выеду. Знат, што я и в избе-то одна не остаюсь, боюсь на злу голову.

Вот мы вместо одиннадцати часов добрались к четырем утра. Давай скорё печь топить, из лабазу постёлю доставать... Не помню, как раз-делась, сидя уснула.

А наутро погодка была до чево баска! Под угором лунок набурили, нарыбачились от души. Вечерком баньку истопили, со свежей рыбкой поужнали куды с добром! Ну как што не рыбаки!?

Вот и думаю, доехали бы мы по-доброму, я бы уж и забыла. А счас как карточку вижу аж по загривку мороз!!!

ОБРОБЕЛ



Сергуня не успел бросить у печи дрова, в избу забежал Фёдка:

Иваныч, ты дома ли нет?

Я куды деваюсь? Печь затопляю. Иди в куть, садись на табаретку.

Есь ковды сидеть! Вовка-то где, ишшо всё дрыхнет?

Сергей Иваныч переломил об колено пучёк лучины:

Хватился, паря! Он уж ковды-ы-ы убежал!

Вот дак здорово! Вечор сам звал, мол нады помогчи ерданей надолбить, да уды поставить, а то один до ночи будет пешнёй махать...

- Вот-вот... А ты не забыл, во сколь ставать-то собирались? Мне дак ково-то помнитца, што не в девять часов...

Фёдка прикусил язык:

Дак само крайно в шесь... Я ему вить наказывал, просплю, дак штоб зрвел меня.

Сергуня стал выходить из себя:

Вовка-то вечор язык смузолил тебе говореть, штоб с вечера всё собрал да поране спать лёг Нет, у тебя всё допоследу! Ковды ума-то накопишь?

Фёдор с досады хлопнул себя по голяшкам:

- Да склался я! Всё собрано в сенях стоит! Уж в окошко стукнуть или зреть-то чижало было!? Я бы живо соскочил...

Соскочил он! Как же! Мы тебе наказывали не закрючиватца или не наказывали?

- Да я-то при чём?! Видать мамка заложила дверь-то. Ково ей не спитца, почево бытто по ночам на улицу бегат?

Ну я уж не знаю... Вовка-то сколь времишша стукался! В дверь не дотёркался пошел под окошки... Ты, стало быть, глухомяте или уж едак смёртно спишь... Это хто чево?!

Иваныч, не поверишь, уснул со включённым радивом. Оно ревёт под ухом ково услышишь?

Всё-то у тебя не слава Бох! Спишь как конь, вот и не с ково спрашивать. Вовка-то уж к месту должен подбегать. Иди счас имай ево...

Сергуня поскрёб затылок:

Ставай на лыжи, да беги к нему. Всё сколь-нить пособишь. Но гляди, пешнёй огрет, дак не плач сам заработал.